

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-310-323

**Факт и вымысел в автобиографических рассказах
И. Э. Бабеля о детстве 1930-х гг.**

Елена Иосифовна Погорельская

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

eipogor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о соотношении факта и вымысла в автобиографических рассказах И. Э. Бабеля о детстве, опубликованных в 1930-е гг. Как и в большинстве рассказов Бабеля, посвященных реальным историческим или автобиографическим событиям, в рассказах о детстве повествование ведется от первого лица, а наряду с достоверным и точным изображением имеет место искажение реальности, «смещение» фактов, дат или топографии. Рассказ «В подвале» — единственный случай в творчестве Бабеля, когда в самом произведении писатель раскрывает прием смешивания подлинных и вымышленных фактов. В центре автобиографических рассказов 1925 г. десятилетний мальчик, ставший свидетелем и жертвой еврейского погрома, в рассказах начала 1930-х «В подвале» и «Пробуждение» — подросток, рано ощутивший наследственную тягу к литературному творчеству. В этой связи важную роль в двух последних рассказах играет образ деда героя-повествователя. Virtuозное умение сопрягать подлинные факты с вымышленными историями проявлено и в позднем рассказе «Ди Грассо» (1937), причем парадоксальным образом Бабель точно воспроизводит кажущуюся невероятной игру итальянского актера, но выдумывает сам спектакль с его участием, равно как и гастрольный репертуар.

© Погорельская Е. И., 2026

Ключевые слова

И. Бабель, факт и вымысел, автобиографический рассказ, «В подвале», «Пробуждение», «Ди Грассо»

Благодарности

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02407 «Творчество И. Э. Бабеля 1930-х гг.: исторический и биографический контексты», <https://rscf.ru/project/25-28-02407/>

Для цитирования

Погорельская Е. И. Факт и вымысел в автобиографических рассказах И. Э. Бабеля о детстве 1930-х гг. // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 310–323. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-310-323

Fact and fiction in I. E. Babel's autobiographical stories about childhood in the 1930s

Elena I. Pogorelskaia

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

eipogor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

Abstract

The article examines the relationship between fact and fiction in I. E. Babel's autobiographical stories about childhood, which were published in the 1930s. Like most of Babel's stories based on real historical or autobiographical events, the stories about childhood are told in the first person, and while they provide a reliable and accurate portrayal, there is also a distortion of reality, a "misalignment" of facts, dates, or topography. The story "In the basement" is the only instance where the author reveals the technique of blending real and fictional elements within the story itself. In the autobiographical stories of 1925, a ten-year-old boy who witnessed and suffered from a Jewish pogrom is at the center of the story, while the stories "In the basement" and "Awakening" of the early 1930s focus on a teenager who developed an early passion for literature. In these stories, the character of the narrator's grandfather plays a significant role. Babel's virtuosic ability to combine real facts and fictional stories is also evident in his later story "Di Grasso" (1937), where he paradoxically captures the Italian actor's seemingly improbable performance while also inventing the play and its tour schedule.

Keywords

I. Babel, fact and fiction, autobiographical story, "In the basement", "The awakening", "Di Grasso"

Acknowledgements

The research was carried out at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of the Russian Science Foundation grant no. 25-28-02407 "Creativity of I. E. Babel in the 1930s: Historical and Biographical Contexts," <https://rscf.ru/project/25-28-02407/>

For citation

Pogorelskaia E. I. Fact and fiction in I. E. Babel's autobiographical stories about childhood in the 1930s. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 310–323. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-310-323

Художественная система И. Э. Бабеля основана на заостренном сочетании факта и вымысла. В интервью корреспонденту газеты «Комсомольская правда» летом 1936 г. писатель так охарактеризовал свой творческий метод:

Литература складывается из трех явлений.

Во-первых: действительная жизнь; необходимо знать действительную жизнь.

Во-вторых: чтобы эту действительную жизнь забыть.

В-третьих: чтобы ее сочинить и чтобы осветить таким ослепительным светом действительную жизнь, чтобы это и была настоящая жизнь [Между молотом и наковальней, 2011, с. 529].

Большинство рассказов Бабеля посвящено реальным историческим или автобиографическим событиям, но почти в каждом из них наряду с достоверным и точным изображением мы найдем намеренное искажение реальности, «смещение» фактов, дат или топографии. В сентябре 1937 г. на встрече с молодыми писателями он признавался: «...если я выбрал себе читателя, то тут я думаю о том, как мне обмануть, оглушить этого умного читателя» [Бабель, 1990, т. 2, с. 404]. Но почти всегда, искажая или замещая подлинные факты вымышленными, Бабель преследует определенные художественные цели. Повествование в рассказах чаще всего ведется от первого лица, автобиографизм является одним из литературных приемов писателя.

Всё сказанное в полной мере относится к его рассказам о детстве.

Обычно, создавая короткий рассказ, Бабель рассматривал его как часть цикла или главу будущей книги. Сформировал он только книгу «Конармия» и небольшой цикл «Одесские рассказы», однако наметил и другие. В первую очередь речь идет об автобиографических рассказах, посвященных теме детства. Ранний опыт создания такого произведения — набросок «Детство. У бабушки» — относится к ноябрю 1915 г. В 1925 г. были написаны и опубликованы «История моей голубятни» и «Первая любовь», повествующие о детстве героя, проведенном в Николаеве, и о событиях 1905 г.; подробно см.: [Погорельская, 2013]. В 1931 г. вышли в свет рассказы «Пробуждение» и «В подвале», посвященные более позднему периоду, а именно детским и отроческим годам, прошедшим в Одессе. Мальчику в «Истории моей голубятни» и «Первой любви» десять лет, в рассказе «В подвале» — двенадцать, в «Пробуждении» — герою шел четырнадцатый год. Эти четыре рассказа были напечатаны один за другим лишь в сборнике Бабеля, выпущенном издательством «Федерация» в 1932 г., но и там название цикла не обозначено. В последующих же изданиях между этими парами рассказов помещались другие, не имеющие отношения к данной теме.

Возможно, писатель так и не выделил в отдельный цикл хотя бы опубликованные к тому времени рассказы о детстве из-за их разной тематической направленности. В рассказах 1925 г., написанных в двадцатую годовщину Первой русской революции и Октябрьского манифеста Николая II, действие разворачивается вокруг десятилетнего ребенка, ставшего свидетелем и жертвой еврейского погрома. В основе сюжета рассказов начала 1930-х — ранняя тяга героя-подростка к сочинительству и осознание литературного призвания.

Известны два высказывания самого Бабеля о характере автобиографизма в этих произведениях. После публикации «Пробуждения» в журнале «Молодая гвардия» и перед публикацией «В подвале» в «Новом мире», 14 октября 1931 г., он сообщал матери: «Я там <в „Молодой гвардии“> дебютировал после нескольких лет молчания маленьким отрывком из книги, которая будет объединена общим заглавием „История моей голубятни“. Сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переменено, — когда книжка будет окончена — тогда станет ясно, для чего мне всё это было нужно. В этом же месяце появятся два рассказа в „Новом Мире“ — один из той же серии...» [Бабель, 1990, т. 1, с. 319–320].

А. Н. Пирожкова вспоминала, что однажды в Одессе она нарушила запрет «не говорить с Бабелем о его литературных делах» и «спросила, автобиографичны ли его рассказы?». Бабель ответил отрицательно. «Оказалось, — писала Пирожкова, — что даже такие рассказы, как „Пробуждение“ и „В подвале“, которые кажутся отражением детства, на самом деле не являются автобиографическими. Может быть, лишь некоторые детали, но не весь сюжет» [Пирожкова, 2013, с. 287].

Рассказ «В подвале» представляет собой, пожалуй, единственный случай в творчестве Бабеля, когда он в самом произведении обнажает свой прием смешивания подлинных и вымышленных фактов¹, точнее представляет это сделать герою рассказа, двенадцатилетнему ребенку:

Я был лживый мальчик. Это происходило от чтения. Воображение мое всегда было воспламенено <...>.

Однажды в руках первого нашего ученика, Марка Боргмана, я увидел книгу о Спинозе. Он только что прочитал ее и не утерпел, чтобы не сообщить окружившим его мальчикам об испанской инквизиции. Это было учное бормотание, — то, что он рассказывал. В словах Боргмана не было поэзии. Я не выдержал и вмешался. Тем, кто хотел меня слушать, я рассказал о старом Амстердаме, о сумраке гетто, о философах — гранильщиках алмазов. К прочитанному в книгах было прибавлено много своего. Без этого я не обходился. Воображение мое усиливало драматические сцены, переиначивало концы, таинственнее завязывало начала. Смерть Спинозы, свободная, одинокая его смерть, предстала в моем изображении битвой. Синедрион вынуждал умирающего покаяться, он не сломился. Сюда же я припутал Рубенса. Мне казалось, что Рубенс стоял у изголовья Спинозы и снимал маску с мертвеца².

¹ Похожее «саморазоблачение» есть и в не публиковавшемся при жизни писателя рассказе «Мой первый гонорар», однако это произведение не имеет автобиографической подоплеки, а фабульный ход был подсказан Бабелю журналистом П. И. Сторицыным; см.: [Пирожкова, 2013, с. 288].

² Синедрион, верховный орган политической, религиозной и судебной власти в городах Древней Иудеи, в рассказе героя заместил собой руководство еврейской общины Амстердама, которое вынуждало Спинозу отречься от своих взглядов и в конце концов наложило на него херем (отлучение), однако произошло это в 1656 г., за 21 год до смерти философа в 1677-м. П. П. Рубенс умер в 1640 г., т. е. за 37 лет до смерти Спинозы.

Мои однокашники, разинув рты, слушали эту фантастическую повесть [Бабель, 1990, т. 2, с. 179].

По замечанию Р. Дж. Стэнтон, начало рассказа «вводит те литературные тенденции, которые будут важны для повествования в целом: склонность к „лживости“, т. е. к приукрашиванию реальных событий; метафорическое предпочтение поэзии, т. е. искусства, „прозе“, т. е. реальности <...> творческое использование анахронизма, или, по словам рассказчика, его „особенность перевирать все вещи в мире“» [Стэнтон, 2016, с. 313].

Чуть дальше в повествовании герой поведал однокласснику Боргману выдуманную историю о том, что его дед и дядя «объездили весь свет и испытали тысячи приключений. Я описал эти приключения по порядку. Сознание невозможного тотчас же оставило меня, я провел дядьку Вольфа сквозь русско-турецкую войну — в Александрию, в Египет...» [Бабель, 1990, т. 2, с. 181].

Как и герой рассказа «В подвале», Бабель в двенадцатилетнем возрасте жил в Одессе, учился в Одесском коммерческом училище (словосочетание «гимназическая премудрость» в рассказе, вероятно, можно трактовать в расширительном смысле) и жил он (до переезда семьи в 1909 г. на Рижельевскую, одну из наиболее престижных улиц в самом центре Одессы) у тети Кати, младшей сестры его матери, в доме 12 по Тираспольской улице. Какие-то черты дядьки Симона-Вольфа («безумный дядя Симон, живший в Одессе» упоминается и в «Истории моей голубятни») могли быть списаны с мужа тети Кати — Иосифа Ляхецкого, нередко попадавшего в разные, даже уголовные истории, из которых уже взрослому Бабелю неоднократно приходилось его выручать. Из Сквиры и Белой Церкви действительно происходили родные писателя по отцовской линии.

На этом биографические параллели, пожалуй, заканчиваются. Семье героя-повествователя в рассказе дается такая характеристика: «Я происходил из нищей и бестолковой семьи», «...семья, из которой я происхожу, не походила на другие еврейские семьи. У нас и пьяницы были в роду, у нас соблазняли генеральских дочерей и, не довезши до границы, бросали, у нас дед подделывал подписи и сочинял для брошенных жен шантажные письма» [Там же, с. 180, 182].

Вряд ли когда-нибудь удастся установить, знал ли на самом деле Бабель о подобных грехах своих предков или попросту выдумал всё это, но

вот «нищей» семья точно не была. Отец писателя, коммерсант, торговал сельскохозяйственной техникой, а сестра матери, тетя Катя, у которой он жил на Тираспольской, работала зубным врачом. О родителях писателя существует, например, свидетельство его младшей сестры, М. Э. Шапошниковой: «Их отец был уроженцем Белой Церкви, имел взрывной характер, „вулкан какой-то“. Очень энергичный, не знал, что значит отдыхать. Сын для него был божеством. Мать, тихая добрая женщина, умела смешно копировать людей и отличалась проницательностью. Это свойство Бабеля в значительной степени унаследовал от нее» [Поварцов, 2012, с. 17].

Наиболее интересной и примечательной выдумкой в рассказе «В подвале», видимо, надо считать образ деда героя-повествователя, хотя нельзя исключить, что какими-то изображенными здесь чертами реальный дед Бабеля обладал. Лейви-Ицхок упомянут в автобиографических рассказах 1925 г. и довольно подробно выведен в рассказах «В подвале» и «Пробуждение»³.

Писатель использует настоящее имя (по документам Лейб-Ицхок) своего деда по отцовской линии, но дело в том, что он пишет о нем как о живом, хотя тот умер 14 июня 1893 г., т. е. ровно за год до рождения внука Исаака.

Дед героя предстает в этом рассказе сочинителем и умельцем, изобретения которого не стыдно показать сыну директора банка:

Не успел Боргман войти, как я стал занимать его всякими диковинами. Я показал ему будильник, сделанный до последнего винтика руками деда. К часам была приделана лампа; когда будильник отсчитывал половинку или полный час, лампа зажигалась. Я показал еще бочонок с ваксой. Рецепт этой

³ Впервые образ сумасшедшего деда, знатока и сочинителя, намечен в раннем наброске Бабеля «Детство. У бабушки» (1915), в котором бабушка говорит внуку:

— Твой дед <...> знал много историй, но он ни во что не верил, только верил в людей. Он отдал все свои деньги друзьям, а когда пришел к ним, то его сбросили с лестницы, и он тронулся умом.

И бабушка рассказывает мне о моем деде, высоком, насмешливом, страстном и деспотичном человеке. Он играл на скрипке, писал по ночам сочинения и знал все языки. Им владела неугасимая жажда к знанию и жизни [Бабель, 1990, т. 1, с. 41].

ваксы составлял изобретение Лейви-Иццока; он никому этого секрета не выдавал. Потом мы прочитали с Боргманом несколько страниц из рукописи деда. Он писал по-еврейски, на желтых квадратных листах, громадных, как географические карты. Рукопись называлась «Человек без головы». В ней описывались все соседи Лейви-Иццока за семьдесят лет его жизни — сначала в Сквире и Белой Церкви, потом в Одессе. Гробовщики, канторы, еврейские пьяницы, поварихи на брисах и проходимцы, производившие ритуальную операцию, — вот герои Лейви-Иццока. Всё это были вздорные люди, косноязычные, с шишковатыми носами, прыщами на макушке и косыми жадами [Бабель, 1990, т. 2, с. 182–183].

Лейви-Ицчок дважды приходит на помощь внуку, вначале пытаясь пиликанием на скрипке заглушить крик Симон-Вольфа, а затем спасая мальчика от совершения самоубийства: «Я закричал, не помня себя, и опустил-ся в воду с размаху. Меня вытащила немощная рука деда» [Там же, с. 186]. По мнению М. Я. Вайскопфа, автор воскрешает деда «специально для нужд сюжета. Именно он спасет потомка от самоубийства — по сути, в прямом согласии с еврейскими поверьями о загробном заступничестве покойных предков и благодетелей» [Вайскопф, 2017, с. 215–216].

Роль деда в «Пробуждении» несколько иная. Лейви-Ицчок здесь не только изобретатель и сочинитель, он наделен широкими познаниями в самых различных сферах: «Его спрашивали, что такое гобелен, отчего яacobинцы предали Робеспьера⁴, как готовится искусственный шелк, что такое кесарево сечение. Мой дед мог ответить на эти вопросы» [Бабель, 1990, т. 2, с. 171]. Но главное, в рассказе подчеркивается наследственный характер склонности героя к литературному творчеству: «Днем я рассказывал небывлицы соседским мальчишкам, ночью переносил их на бумагу. Сочинительство было наследственное занятие в нашем роду. Лейви-Ицчок, тронувшийся к старости, всю жизнь писал повесть под названием „Человек без головы“. Я пошел в него» [Там же, с. 172].

⁴ Возможно, упоминание в этом ряду столь разнородных сведений событий 9 термидора — государственного переворота и падения М. Робеспьера — неслучайно: в самом начале 1930-х гг. оно могло вызвать у читателей ассоциацию с недавними событиями в России, связанными с Л. Д. Троцким, а именно: с отстранением его от всех должностей, исключением из партии в 1927 г., ссылкой в Алма-Ату в 1928-м и высылкой из страны в 1929-м.

В 1907–1908 гг. Бабель учился игре на скрипке у знаменитого преподавателя Петра Соломоновича Столярского, послужившего прототипом Загурского в рассказе «Пробуждение». По свидетельству одного из учеников Столярского, скрипача М. Э. Гольдштейна, его преподаватель знал об этом рассказе и подтвердил свое сходство с Загурским: «Столярскому показали рассказ Бабеля „Пробуждение“. Он читал его с искренней улыбкой. Потом сказал: „Бабель неплохой фотограф, узнаю свой портрет, даже несмотря на ретушь“» [Гольдштейн, 1989, с. 58].

В 1930-е гг. Бабель довольно активно интересовался деятельностью Столярского и его учеников. В 1935 г. писатель несколько раз виделся с маэстро — вначале в Москве, затем в Одессе. Первая их встреча состоялась 22 марта в Московской консерватории. 23 числа Бабель писал матери и сестре в Бельгию: «Столярский по-прежнему печет вундеркиндов и поставляет скрипачей для всех концертных эстрад. Одним только мною похвастать не может. Он вспомнил всё — нашу столовую, двор на Тираспольской, мое мужественное сопротивление»; цит. по: [Погорельская, Левин, 2020, с. 471].

Однако надо полагать, что главные события в рассказе — пребывание в порту с другими мальчишками вместо скрипичных уроков, реакция отца, узнавшего об этом, — в значительной степени, если не целиком, автором выдуманы.

Сюжетные линии «Пробуждения» сходятся в Одессе. Этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что всех выдающихся музыкантов, фамилии которых перечислены в начале рассказа, Бабель привязывает к родному городу: «Из Одессы вышли Миша Эльман, Цимбалист, Габрилович, у нас начинал Яша Хейфец» [Бабель, 1990, т. 2, с. 171]. На самом деле только двое из этого списка были связаны с Одессой. С 1897 г. в Одессе учился Михаил Эльман, продолживший обучение в 1902–1904 гг. в Санкт-Петербургской консерватории, а Яша (Иосиф) Хейфец в Одессе не жил и не учился, но в июле 1911 г., когда ему было всего 10 лет, дал там четыре концерта, которые получили широкую известность. Ни скрипач Ефрем Цимбалист, ни пианист Осип Габрилович в Одессе не жили, не учились и не выступали.

Еще один автобиографический рассказ о детстве — «Ди Грассо» — опубликован в журнале «Огонек» в августе 1937 г.

В первых же строках подлинный факт сочетается с вымыслом: «Мне было четырнадцать лет. Я принадлежал к неустрашимому корпусу

театральных барышников» [Там же, с. 235]. Во время гастролей сицилийского трагика Джованни Грассо в Одессе в декабре 1908 г. Бабелю, как и герою рассказа, было 14 лет. Но вот его принадлежность к перекупщикам театральных билетов никоим образом не подтверждается.

Из сохранившейся в частном собрании записной книжки 1908 г., где наряду с другими записями фиксировались названия и даты спектаклей, на которых побывал четырнадцатилетний Бабель, известно, что он видел, как минимум, два гастрольных спектакля Грассо: 1 декабря — «Проклятие» по пьесе Л. Капуаны и 5 декабря — «Гражданскую смерть» П. Джакометти (в переводе на русский язык А. Н. Островского пьеса называлась «Семья преступника»).

О том, что в «Ди Грассо» является правдой, а что писателем придумано, подробно см., например: [Погорельская, 2022]. И всё же позволю себе остановиться на одном весьма существенном в этой связи моменте.

Несмотря на красочное описание, игра итальянского актера кажется неправдоподобной: «Пастух — играл его ди Грассо — стоял задумавшись, потом он улыбнулся, поднялся в воздух, перелетел сцену Городского театра, опустился на плечи Джованни и, перекусив ему горло, ворча и косясь, стал высасывать из раны кровь. Джованни рухнул, и занавес, — грозно, бесшумно сдвигаясь, — скрыл от нас убитого и убийцу» [Бабель, 1990, т. 2, с. 236].

Однако парадоксальным образом и полет-прыжок Грассо, и ловкий театральный трюк, превращающий актера в вампира, писатель изобразил удивительно точно. Достаточно привести свидетельство В. М. Бебутова о реакции Вс. Э. Мейерхольда на спектакль с участием итальянца:

Как-то раз я встретил Всеволода Эмильевича на гастроли сицилианского трагика Ди Грассо. Шла наивная в своей безвкусице мелодрама. Герой должен мстить. Какой-то негодяй обольстил его невесту. Ди Грассо ищет обидчика и наконец находит, сталкивается с ним. Со звериным сладострастием хищной пантеры он мягко крадется к врагу и внезапно прыгает ему на грудь, сжавшись в кошачий комок.

Тот откидывает с криком голову, и Ди Грассо перегрызает ему горло. Течет кровь.

Зрительный зал неистовствует — одни зрители в восторге, другие возмущены и содрогаются от отвращения. Большинство уверено, что здесь болезненная акция — психопатология.

Мейерхольд зорким глазом мастера сцены сразу разглядел суть этого приема.

— Это ловкий технический прием, — говорит он. — Здесь три момента: первый — подготовка (то, что в балете называется *préparation*), второй — прыжок и третий — поддержка (как в балете).

В свои упражнения по биомеханике Мейерхольд ввел этот прием — этюд, который он так и наименовал: «Ди Грассо» [Бебутов, 1967, с. 76].

В то же время сам спектакль итальянской труппы на сцене Городского театра в рассказе Бабеля почти целиком придуман. Прыжок на грудь, о котором там говорится, Грассо осуществлял в спектакле «Феодализм» по пьесе испанского драматурга А. Гимеры, а на спину соперника — в «Проклятии», первой постановке, на которой побывал будущий писатель. Однако сюжет этих двух пьес, равно как и двух других, сыгранных в Одессе, за исключением незначительных деталей, не совпадает с тем, который представлен в сценическом действии у Бабеля.

Точно так же в рассказе произошла подмена трех спектаклей из гастрольного репертуара итальянского актера в Одессе: «Ди Грассо в этот свой приезд сыграл у нас „Короля Лира“, „Отелло“, „Гражданскую смерть“ и тургеневского „Нахлебника“» [Бабель, 1990, т. 2, с. 237]. Помимо «Гражданской смерти», сыгранной в Одессе в бенефис Грассо, в репертуаре артиста был только шекспировский «Отелло», но в Одессе его не исполняли. Там прошли спектакли «Проклятие», «Феодализм», «Око за око» (автор неизвестен) и «Гражданская смерть».

В 1927 г. В. П. Полонский писал об «Одесских рассказах», что они «сделаны писателем, обладающим магической силой очарования. Сила художественного внушения (а без способности заражать — нет искусства), какую обладает Бабель, исключительна; оттого-то беспрекословно веришь в фантастические похождения одесского налетчика, не сомневаясь в действительности этой нереальной реальности» [Полонский, 1927, с. 200–201].

Слова критика в полной мере могут быть отнесены и к рассказам писателя о детстве, появившимся в 1930-е гг. «Сила художественного внушения» Бабеля основана в том числе на виртуозном умении создавать «нереальную реальность», иными словами, сопрягать подлинные исторические или автобиографические факты с «хорошо придуманными историями» («Мой первый гонорар»; [Бабель, 1990, т. 2, с. 250]).

Список литературы

Бабель И. Э. Сочинения: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. Н. Пирожковой, вступ. статья Г. А. Белой, коммент. С. Н. Поварцова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 478 с. Т. 2. 574 с.

Бебутов В. М. Неутомимый новатор // Встречи с Мейерхольдом: сб. воспоминаний. М.: Всероссийское театральное общество, 1967. С. 67–83.

Вайскопф М. Я. Между огненных стен: книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017. 494 с.

Гольдштейн М. Э. Петр Столярский. Иерусалим, 1989. 98 с.

Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1: 1925 — июнь 1941 г. М.: РОССПЭН, 2011. 1023 с.

Пирожкова А. Н. Я пытаюсь восстановить черты: о Бабеле — и не только о нем. М.: АСТ, 2013. 605 с.

Поварцов С. Н. Быть Бабелем. Краснодар: Кубаньпечать, 2012. 96 с.

Погорельская Е. И. Комментарий к рассказу И. Бабеля «История моей голубятни»: новые материалы к биографии писателя // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 149–165.

Погорельская Е. И. Рассказ Исаака Бабеля «Ди Грассо»: источники сюжета и проблемы комментирования // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 1. С. 43–59. DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-43-59.

Погорельская Е. И., Левин С. Х. Исаак Бабель: жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с.

Полонский В. П. Критические заметки о Бабеле // Новый мир. 1927. № 1. С. 197–216.

Стэнтон Р. Дж. Юлий Цезарь в подвале: Бабель и Шекспир // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сб. материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г. М.: Книжники, Лит. музей, 2016. С. 311–322.

References

Babel' I. E. Sochineniya: v 2 t. [Collected works: in 2 vols.] / vstup. st. G. A. Beloj, sost. i podgot. teksta A. N. Pirozhkovej, komment. S. N. Povarczova. Moscow, Chudozh. lit., 1990. Vol. 1. 478 p. Vol. 2. 574 p. (in Russ.)

Bebutov V. M. Neutomimy'j novator [A tireless innovator]. In: Vstrechi s Mejerhol'dom: Sb. vospominanij [Meetings with Meyerhold: A collection of memoirs]. Moscow, Vserossijskoe teatral'noe obshhestvo, 1967. Pp. 67–83. (in Russ.)

Vajskopf M. Ya. Mezhdru ognennyh sten: Kniga ob Isaake Babele [Between walls of fire: a book about Isaac Babel]. Moscow, Knizhniki, 2017. 494 p. (in Russ.)

Gol'dshtejn M. E'. Petr Stolyarskij [Peter Stolyarsky]. Jerusalem, 1988. 98 p. (in Russ.)

Mezhdru molotom i nakoval'nej. Soyuz sovetskix pisatelej SSSR: dokumenty' i kommentarii. T. 1. 1925 — iyun' 1941 g. [Between the hammer and the anvil: the Union of Soviet Writers of the USSR. Documents and comments. Vol. 1: 1925 — June 1941] Moscow, ROSSPEN, 2011. 1023 p. (in Russ.)

Pirozhkova A. N. Ya pytayus' vosstanovit' cherty: o Babele — i ne tol'ko o nem [I'm trying to restore the features: about Babel — and not only about him]. Moscow, AST, 2013. 605 p. (in Russ.)

Povarczov S. N. By't' Babelem [Being Babel]. Krasnodar, Kuban'pechat', 2012. 126 pp. (in Russ.)

Pogorelskaia E. I. Kommentarij k rasskazu I. Babelya «Istoriya moej golu-byatni»: novye materialy k biografii pisatelya [Commentary on I. Babel's story "The story of my dovecote": new materials for the writer's biography]. *Voprosy literatury*, 2013, no. 5, pp. 149–165. (in Russ.)

Pogorelskaia E. I. Rasskaz Isaaka Babelya «Di Grasso»: istochniki syuzheta i problemy' kommentirovaniya [Isaac Babel's short story "Di Grasso": sources of the plot and problems of commenting]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2022, no. 1, pp. 43–59. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-43-59.

Pogorelskaia E. I., Levin S. H. Isaak Babel'. Zhizneopisanie [Isaac Babel. Biography]. Saint Petersburg, Vita Nova, 2020. 624 p. (in Russ.)

Polonskij V. P. Kriticheskie zametki o Babele [Critical notes about Babel']. *Novy'j mir*, 1927, no. 1, pp. 197–216. (in Russ.)

Stanton R. J. Yulij Cezar' v podvale: Babel' i Shekspir [Julius Caesar in the basement: Babel and Shakespeare]. In: Isaak Babel' v istoricheskom i literaturnom kontekste: XXI vek. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v Gosudarstvennom literaturnom muzee 23–26 iyunya 2014 g. [Isaac Babel in a historical and literary context in the 21st century. Proceedings of the International I. E. Babel Conference, State Literary Museum, June 23–26, 2014]. Moscow, Knizhniki, Lit. muzej, 2016. Pp. 311–322. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Иосифовна Погорельская, кандидат филологических наук

Information about the Author

Elena I. Pogorelskaia, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 30.03.2026;
одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 13.04.2026
The article was submitted on 30.03.2026;
approved after reviewing on 06.04.2026; accepted for publication on 13.04.2026*